

За окнами небольшой мастерской художника-пейзажиста проректора Института им. В.И.Сурикова Александра Шилова — парк «Сокольники».

За окнами небольшой мастерской художника-пейзажиста проректора Института им. В.И.Сурикова Александра Шилова — парк «Сокольники». Здесь написаны лучшие работы. «Зимний вечер» экспонируется в Дрезденской галерее, несколько работ, в том числе и «Золотая осень», «Весна в Сокольниках», приобретены Третьяковкой. Картины мастера есть в Музее Врубеля, в Ингушском национальном музее, в музее «Царицыно». В «Сокольниках» находится один из любимых храмов художника.— Здесь в душу входит настоящая благодать, — говорит Александр. — Там очень сильная икона Богородицы. Когда я первый раз к ней подошёл, не мог сдержать слёз, меня трясло как от удара током.

В детстве не хотел становиться художником— Александр Александрович, вы родились в семье художников и, наверное, с детства хотели походить на родителей?

— Нет, потому что видел, насколько тяжёл труд художника. С детства врезалось в память, как мама Светлана Гениевна Фоломеева со мной наперевес работает над заказами в нашей 13-метровой коммуналке. Она вынуждена была трудиться в нескольких местах: на графическом комбинате, преподавать в Суриковской школе... В числе её учеников были акварелист Сергей Андрияка, народный художник Сергей Присекин, народный художник Василий Нестеренко.

— Ваш отец, народный художник СССР Александр Максович Шилов, — мастер портрета. Вы избрали жанр пейзажа, чтобы не конкурировать с отцом?

— Это призвание. Вот увидел природу, и покатались слёзы реально навзрыд. Я подумал, что это и есть призвание — значит, я без этого жить не могу. Потом спустя годы прочёл, что, оказывается, в таком же состоянии пребывали Левитан и Поленов. Выезжая на природу, они говорили: «Давай поклонимся этому лопуху». Настолько они любили и чувствовали природу. И, когда ты сопрягаешься с этими ощущениями в самом себе, вначале берёт испуг, думаешь: может, пошёл какой-то сдвиг? Нет. На самом деле это просто любовь к земле, к природе. И она проклюнулась во мне лет, наверное, в 19, и очень сильно. С тех пор я в принципе занимаюсь только этим. Я не умею так быстро работать, как мой отец. У меня нет большого количества работ. Но я слежу за тем, чтобы каждая картина являлась произведением, чтобы любой критик, особенно из старой гвардии, мог сказать: «Да, это серьёзно, это хорошо».

Художник-постановщик, телохранитель, юрист...

— После ВГИКа, где вы получили специальность художника-постановщика, сразу поступили в Правовой университет. Всерьёз собирались делать карьеру юриста?

— Нет, для общего развития, чтобы ориентироваться в жизни. Мой дед всегда говорил, что надо уметь ориентироваться в законодательной базе и тогда тебе ничего не страшно.

— В вашей судьбе был ещё один неожиданный поворот. Какое-то время вы работали телохранителем...

— Я мастер спорта по боевому карате. А в начале девяностых годов время было беспокойное, меня нередко просили помочь. Однажды я получил приглашение от президента российско-канадской фирмы «Пальмира», кстати бывшего спецназовца, и проработал некоторое время его телохранителем, о чём нисколько не жалею.

— Свою дипломную работу в Институте имени Сурикова вы делали в усадьбе Кусково. Эта картина, наверное, сейчас в каком-то музее?

— На дипломе я выбрал довольно сложную тему — «Русские усадьбы». У меня был триптих — три большие работы метр на метр двадцать, на котором были представлены три усадьбы: Кусково, Царицыно и Шереметевых. Писал с натуры. В отличие от других дипломов, мой таинственно исчез по дороге из Суриковского института в Академию художеств. Когда я попытался отыскать работы, мне сказали: «Да ладно, всё равно это собственность института». По закону я действительно должен был отдать свой диплом. Так зачем его искать?

Почти космонавт

— Ваши картины первыми в мире побывали в космосе. Как это получилось?

— Как-то мне предложили организовать выставку в Звёздном городке. Космонавт Алексей Архипович Леонов, который, как известно, сам художник, сказал много хорошего о моём творчестве. Тут же прозвучало предложение: почему бы Александру не слетать вместе с нашими космонавтами и там, на борту, написать какие-то этюды? Я ответил: «Спасибо большое. Это даже не рассматривается». Ведь я очень серьёзно занимался спортом, в организме произошли небольшие нарушения, так что мне запрещены перегрузки. Тогда мне предложили отправить в космос картины. Вначале я написал с натуры пять работ размером пятьдесят на семьдесят сантиметров. Но они не поместились в специально оборудованный тубус. Пришлось всё заново переписать на холсте меньшего размера. Мои картины стартовали с экспедицией, в которой были космонавты Котов, Юрчихин и первый космический турист Чарльз Симони.

— Недавно к вам приезжал американский миллиардер большой ценитель живописи Роберт Ротшильд...

— Да. Ротшильд собрал свыше полутора тысяч картин, в том числе работы Сальвадора Дали, Дюрера. Мне позвонил директор Ротшильда и попросил показать мои картины. В Екатерининском зале Царицыно я развернул небольшую экспозицию. Картины ему очень понравились. Но перед этим я сначала привёз Ротшильда в Суриковскую школу, показал, как работают дети. Затем в Институт имени Сурикова, где студенты быстренько сделали с него несколько набросков, которые он увёз с собой в качестве подарков. Во время этого визита мы подписали договор о сотрудничестве между Суриковским институтом и огромной художественной корпорацией Ротшильда о том, что мы можем делать совместные каталоги, совместные выставки, мастер-классы...

— Что вас вдохновляет на творчество?

— Духовность, красота, русская природа. Я не жду вдохновения. Если не работаю каждый день минимум четыре часа, я уже становлюсь в ряд с обычными художниками. Вдохновение даётся за труд, как будто раскрывается. То есть ты протаптываешь, пробиваешь этот канал с Богом, который даёт тебе силу, видение уже другого — планетарного — масштаба. Источник: zbulvar.ru